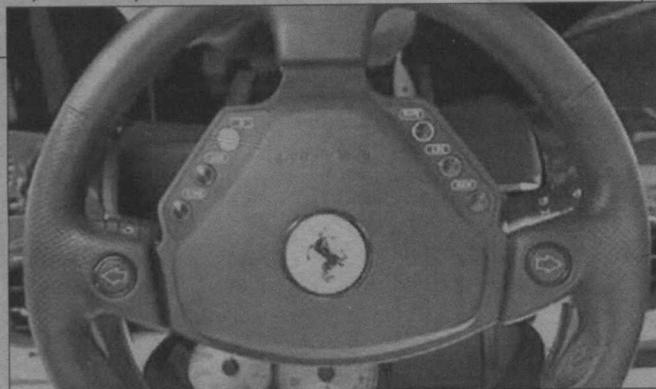

Ferrari Enzo. Руль на этот автомобиль взяли из Формулы-1

ствует

ней режиссерской работы Олега Николаевича «Три сестры», также показанной в его честь.

Не сразу все простилось Ефремову. Всякую память он оставил

разбитый и разоблаченный театр на белом коне. Никто толком не знал, что делать, в том числе и Минкульт. Пришлось работать на противопоставление.

Николай Скорика, Светланы Враговой или Марины Брусникиной. Они вкусные режиссеры, как и сам Табаков. И сегодня играет в театре 14 ролей. За камерным состоянием МХАТа чувствуется желание законсервировать то, что есть, отсидеться и не девальвировать вконец театр, не знаящий, чью сторону ему принять.

Никто и никогда не держал МХАТ в ряду других, его провалы были «провалами самого МХАТа». На них учились. Ефремов же был последним крупным режиссером, стоящим у руля действительно гегемона российской сцены. То, что началось за ним, — уже политика. Вычисление, просчитывание ходов, «обновление» да «омоложение». Но нет человека, «знающего как». МХАТу нужна лич-

А сейчас они вообще не говорят: интервью сторонятся, рекламы сторонятся, всего сторонятся. Пусть лучше театр сгорит, выбрав неправильный, «пошлый» путь, хуже всего — это его безмолвие, боязнь реальности в тот момент, когда, казалось бы, только и надо жить и благоухать.

И, может быть, именно новая русская литература, пока нет крупных «артов» (если только во главу МХАТа не поставят Машкова), станет тем личностным проводником, который способен поднять такую махину. Последняя премьера «Сонечки» пера Людмилы Улицкой как раз повествует о женщине, которая выбрала литературу (чтиво) своим духовным пастырем. А маленький МХАТ даже с большим Ефремовым нам не нужен.

Став символом, Ефремов стал угоден всем